

**ЛЕВ
ТОЛСТОЙ**

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

(В 90 тт.)

ТОМ 38

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

1909–1910 гг.

ПОРА ПОНЯТЬ

(Анархизм)

стр. 160 - 169

О СТАТЬЕ Л.Н. ТОЛСТОГО «ПОРА ПОНЯТЬ» (ОБ ИСТОРИИ ВОЗРАЖЕНИЯ И АКТУАЛЬНОМ ИДЕЙНОМ СОДЕРЖАНИИ)

Как всё-таки беззащитно добро в предавшемся безверию мире! 80-летний старец, проповедующий христианский закон любви и освобождение народов от повиновения насилию правительств и лжи попов – Лев Николаевич Толстой летом 1909 года испытал, как нам представляется, особенно много горя: как от близких, семьи, так и в целом от соотечественников, рабов и прислужников учения мира... В поисках покоя и возможности работы он едет 3 сентября в имение Крекшино, к своему единомышленнику и ближайшему, доброму и замечательному другу Владимиру Григорьевичу Черткову, высланному варварами из Тульской губернии – будто специально для того, чтобы разлучить старика-Толстого с любимым человеком и братом во Христе...

Именно здесь 16 сентября 1909 г. Лев Николаевич начал писать статью «Пора понять». Толчком к написанию этой статьи послужил проезд Николая II в Ливадию, в связи с которым была введена усиленная охрана пути. В Дневнике под 16 сентября записано: «Дома попытался писать о том, что нельзя не быть анархистом, и не пошло».

Первоначальное заглавие этой статьи и было — «Анархизм».

Как видно и по Дневнику, и по датам рукописей, работа над статьёй продолжалась весь сентябрь и была окончена 4 октября 1909 г.

Заглавие статьи в ходе работы менялось: вместо «Анархизм» было сначала поставлено — «Освобождение», потом — «Чингиз-Хан с телеграфами» и наконец — «Пора понять».

Заглавие «Чингиз-Хан с телеграфами» (это выражение употреблено в тексте статьи) ведёт к Герцену, которого Толстой очень любил читать. С. А. Толстой вспоминает: «Отец разделял с Герценом его ненависть к Николаю I и крепостному праву. Он нередко повторял следующее мнение Герцена о Николае I, применяя его вообще к деспотическому правительству: Чингис-хан был, конечно, очень страшен, и бороться с ним было трудно. Но ещё страшнее Чингис-хан, когда к его услугам находят пушки, железные дороги, телеграфы и вообще все приобретения современной техники. С таким Чингис-ханом почти невозможно бороться» (Толстой С.А. Мой отец в семидесятых годах. — Красная новь. – 1928 - № 9. - С. 204).

Герцен высказал это мнение в своём «Письме к императору Александру II. (По поводу книги барона Корфа)», напечатанном в «Колоколе» 1857 г.: «Если б у нас весь прогресс совершался только в правительстве, мы дали бы миру ещё небывалый пример самовластья, вооружённого всем, что выработала свобода, рабства и насилия, поддерживаемого всем, что нашла наука. Это было бы нечто вроде Чингис-Хана с телеграфами, пароходами, железными дорогами, с Карно и Монжем в штабе, с ружьями Минье и с конгревовыми ракетами под начальством Батыея» (Герцен А. И. Полное собрание сочинений и писем, под редакцией М. К. Лемке. Т. IX. - Спб. 1919. - С. 27).

Эту мысль Герцена Толстой неоднократно повторял в разговорах и в письмах. В письме к Б. Н. Чичерину от 31 июля 1890 г. Толстой хвалит его воспоминания о Н. И. Кривцове и прибавляет: «Недаром Герцен говорил о том, как ужасен бы был Чингис-Хан с телеграфами, с железными дорогами, с журналистикой. У нас это самое совершилось теперь». (Письма Толстого и к Толстому. Юбилейный сборник. - Гиз. М., 1928. - С. 29).

Уже после написания статьи «Пора понять» Толстой, в письме к редактору газеты «Новая Русь» К. Славнину от 27 февраля 1910 г., снова повторяет выражение Герцена: «Извините, если, может быть, не точно отвечаю на ваш вопрос, но незатихающее негодование и ужас перед деятельностью царствующего в наше время Чингиз-Хана с телефонами и аэропланами, облакающего свои злодеяния в форму законности, — негодование это при всяком таком случае, как ваш, просится наружу». (Толстой и о Толстом. - Изд. Толстовского музея. - М., 1926. - С. 79).

Заглавие «Пора понять» явилось только при самой последней обработке статьи — 6 декабря 1909 г. (см. рукопись № 7 от 6 декабря). Примечательно, что оно вписано явно не Толстым, не его почерком...

Статья появилась впервые в издании: А. Н. Толстой, «1) Письмо к Александру III, 2) Письмо к Николаю II, 3) Не могу молчать, 4) Пора понять», изд. «Былого» и «Общего дела», Париж 1911. В России — только в издании толстовского книгоиздательства «Посредник», и только в 1918 году. В томе 38 Полного (юбилейного) Собрания сочинений А.Н. Толстого в 90 тт. (1936 г.) она была напечатана по рукописи № 7, с исправлениями ошибок переписчика по предыдущим рукописям.

Публикуется по этому изданию.

*****

Начинается «Пора понять» с примечательной цитаты, взятой Толстым из собственной книги – составленного им в 1904 – 1908 гг. сборника мудрой мысли «Круг чтения» (22 декабря, тема «Устройство жизни»: 42, 363). Но мысль эта – не самого Толстого. Для «Круга чтения» она была взята им из русского перевода книги Н. Amiel'a «Fragments d'un journal intime» («Отрывки из дневника»), выполненного для толстовского народного книгоиздательства «Посредник» дочерью Льва Николаевича Марией. В свою очередь, данная французская (точнее – швейцарская, ибо выпущена была на французском языке в Женеве) книга есть не что иное как выборка отрывков из личного дневника швейцарского эстетика и философа, профессора философии Женевской Академии Анри Фредерика Амиеля (Henri Frédéric Amiel, 1821 – 1881). Процитированный Л.Н. Толстым отрывок мы находим в записи Амиеля от 26 декабря 1870 года. Вот он в русском переводе М.Л. Толстой для первого (1894 г.) русского издания дневника Амиеля:

«Государство, основанное только на расчёте и скреплённое страхом, представляет из себя сооружение и гнусное и непрочное» (Из дневника Амиеля. – СПб., 1894. – С. 58).

Вероятно, Толстой, регулярно с удовольствием перечитывавший «Круг чтения», процитировал эти строки по памяти. Ибо в обоих составленных им сборниках мудрой мысли, куда он включил эти строки Амиеля, -- «Круг чтения» и «На каждый день», -- слово «только» («Государство, основанное ТОЛЬКО на расчёте...») сохранено, а вот в тексте статьи «Пора понять» -- оно исчезло! И не случайно: Амиель, пища эти строки в 1870 году, даже не смог бы вообразить себе такой их интерпретации, какую мы находим у Льва Николаевича.

Проследим *контексты*, в которые вписан отрывок в дневнике швейцарского мыслителя. Во-первых, в отличие от мыслителя яснополянского, Анри Амиель нигде в дневнике не высказывал религиозно-анархических идей. Судя и по биографии его, и по дневнику, его вполне устраивал строй умеренной буржуазной демократии. Непосредственно же в интересующей нас записи от 26 октября 1870 г. он, в частности, демонстрирует любопытное понимание сущности «родной» ему европейской цивилизации. Основание её – нравственность и доброта, причём не столько народа, «честной и грубой толпы», сколько «умственной аристократии». Последняя, по мысли Амиеля, отнюдь не должна подрывать общественную стабильность публичными выражениями своего сексписа или насмешек в отношении даже очевидных для её просвещённого разума несовершенств общественного строя и

массовых суеверий. Уважение к принятой религии, к праву, к общественным обязанностям – тот «фундамент» существующего строя, в отношении которого критика неприемлема и вредна. Так же нежелательна она и в отношении кажущихся Амиелю необходимыми общественных «надстроек»: науки, искусств, материальной роскоши буржуазии, промышленности, полиции и даже таможни (Там же. С. 58-59. Сравн. также с записью от 19 марта 1868 г.).

Итак, можно с достаточной уверенностью сказать, что Амиель не мог бы сочувствовать идеям христианского анархического освобождения, высказанным Толстым в статье «Пора понять».

Но не будем спешить с выводами о неуместности цитаты. В конце концов, мыслителей, без сомнения, объединяет, к примеру, понимание необходимости общего для народа и интеллектуалов религиозного руководства в жизни, общего жизнепонимания, равно как и идеи уважения к народу, служения ему.

Разумеется, Амиель, как дитя своей эпохи и среды, не мог понимать, что *всякое* разбойничье гнездо, именуемое «государством», «правительством» -- по природе своей не может не быть «основано только на расчёте», т.е. продуманном, системно организованном и постоянном порабощении, ограблении и обмане трудящегося народа богатыми, власть имущими и интеллигентскими дармоедами на его шее. Не понимал Амиель и того, что «скрепляться» и приводиться в движение эта машина может, во-первых, как раз *страхом* (страхом перед полицейским, судебным и прочим насилием, которым обеспечивается соблюдение норм «демократического» буржуазного права), а во-вторых – *ложью*: внушаемыми с детства целым поколениям граждан байками о «необходимости» государства с его войском, полицией, тюрьмами, таможнями и прочими структурами организованного против этих же граждан насилия.

Современный патриотичный и демократичный европейский или американский идиот – это как раз продукт казённой селекции: многовекового сочетанного воздействия на целые поколения запугиваний, подкупа и обманов, «кнута и пряника» всякой антихристовой – то есть грабительской, насильнической и лживой – то есть всякой государственной – власти.

Вся европейская лжехристианская и садо-некрофильская цивилизация – никак не «нравственное дело», как грезилось наивному демократу и идеалисту Амиелю. Это – безнравственный по существу плод огромного греха «человека разумного» перед Богом: греха употребления разума, Божьего дара и инструмента

исполнения в мире Божьей воли, на невежественное своеволие, на усиление возможностями разума того зла, которое проистекает из социально-значимых проявлений атаквистической, животной природы людей.

Именно это служение Божьими инструментами тела и разума не Богу, а зверю породило системы насилий людей над людьми и природой: военного, полицейского, законодательного, судебного, тюремного, психиатрического, образовательного... Именно этот грех породил крепости и города, куда, вслед за награбленным у него, в соблазне лёгкой жизни, стекался на развращение трудовой земледельческий народ, превращаясь там или в самовлюблённых забогатевших выскочек, севших на чужие шеи, или в задавленных работой нищих, или в преступников. (А в наши дни города европейского блудного вавилон атакует толпы полудиких мигрантов, тем самым приближая общий крах ихней лжехристианской цивилизации.) И этот же грех ложного употребления разума (употребления его не на познание истины, а на воспроизводство выгодных или приятных неправд) – породил самые мерзейшие прослойки лжехристианского социума: попов и учёных интеллигентов, поддерживающих в народе невежество и суеверия.

Вся эта гадость нашла в статье Толстого своё выражение в собирательном образе «Чингис-Хана с телеграфами», восходящем, как было уже сказано выше, к Герцену. Толстой констатирует в статье, что совершившиеся в России со времён Герцена мордернизация и дерьмократизация – при незыблемости самой имперской основы: насилия и недоверия, неуважения к гражданам – привели только к тому, что Чингис-Хан усилился в своей мощи, в своих возможностях организованного насилия и обмана: в начале XX столетия он уже «не только с телеграфами, но и с конституцией, с двумя палатами, прессой, политическими партиями и со всем шумом» (38, 162). Всё это – средства «всегда подавлять всякие попытки освобождения, делаемые народом» (Там же. С. 161).

Идеал «демократического», по западным образцам, российского Чингис-Хана с парламентом – «втянуть и запутать» побольше народа в лукавую, но развращающую его, игру с ним: игру в мнимое участие во власти. Орудием погубления людей и добра постепенно становится не дубина или пушка, а – ложь. Ложь «парламентариев», чиновников, журналистов, попов, всяких казённо дипломированных и платных интеллигентов... Народ соблазнён, обманут, – и Чингис-Хану покойно, он может, не пролив большой крови и сменив лишь внешний антураж и лозунги,

оставаться по существу своему прежним Чингис-Ханом, «только не с ордой диких убийц, а с благовоспитанными, учтивыми, чистоплотными убийцами» (Там же. С. 162). Союз таких вежливых людей с оболваненным и манипулируемым ими быдлом – гарант стабильности режима в стране и торжества имперских «традиций» во взаимоотношении власти, элит и остального общества.

Но у всего есть обратная сторона. Орудия Чингис-Хана, те же железные дороги или средства передачи информации, могут служить не только вечному имперскому «разделяй и властвуй», но и обратному: соединению людей «в одном и том же сознании» (Там же. С. 165), то есть в общем, адекватном Божьей истине, научным знаниям и вызовам эпохи, понимании жизни, мира, себя в мире и друг друга. А народ, ещё не оторванный от свободного труда на земле и не развращённый в городах буржуазной роскошью и интеллигентским развратом школ и университетов – сердцем чует истину учения Христа и признаёт идеалом «братство людей, не допускающее не только убийство, но и насилие друг над другом» (Там же). Народ пробудился к чувству собственного достоинства, а значит – к возможности жить религиозно, по-христиански, без государств и правительств: «своим разумом и совестью, а не волею случайно попавшего на место властвующего того или другого неизвестного ... человека» (Там же. С. 161).

Вот почему ответом русского народа на «традиционное» имперское неуважение к нему: на заточения, казни, полицейщину, -- стала, как видится Толстому, вполне закономерная утрата «не только уважения его к своему правительству, но и веры в необходимость какого бы то ни было правительства» (Там же. С. 165).

Истинная нравственность христианина несовместима ни с насильнической борьбой с режимом, ни с повиновением ему, то есть оправданием его насилий и лжей, участием в них, повседневным пользованием ими. Для христианина нравственно невозможны ни добровольная уплата налогов, ни требование каких-то плат с других людей, ни участие «в делах административных, судебных, педагогических, полицейских, <...> в военной службе» (Там же. С. 168).

На все требования очередного самого «народного» и заботливого правительства христианин должен отвечать так: «Со мной можете, пока сила в ваших руках, делать, что хотите, запирайте, ссылайте, казните. Я знаю, что не могу противиться вам и не буду, но знаю и то, что не могу и не буду также и участвовать во всех дурных делах

ваших, чем бы вы ни оправдывали, ни прикрывали их и чем бы ни угрожали мне» (Там же. С. 167 - 168).

И русскому народу, и всем народам России, которым так же не чужда и спасительна и потребна истина учения Бога-Отца о доброй и разумной жизни человека-сына, -- та истина, которая выражена в основах всех великих религий мира, -- нужно только перевести в практическое дело то уже достигнутое ими в лице лучших их представителей передовое, актуальное, нашедшее своё наилучшее выражение в учении Христа, жизнепонимание, которое довольствуется признаваемой им властью Бога и потому несовместимо с повиновением человека всякой человеческой власти, всякому правительству (царя ли Николашки Ходынского, или упыря Сталина, или чекистской моли Путина...), -- «и само собой без борьбы падёт то ужасное, отжившее русское правительственное устройство, существование которого уже давно не соответствует нравственным требованиям людей нашего мира» (Там же. С. 168).

Роман Алтухов

Лев Николаевич Толстой

ПОРА ПОНЯТЬ

(1909)

«Государство, основанное на расчёте и скреплённое страхом, представляет из себя сооружение и гадкое, и непрочное», говорит где-то Амиель. С этим нельзя не согласиться вообще и можно это понимать разумом, но кроме этого понимания можно ещё испытывать всем существом своим чувство отвращения и ужаса перед таким сооружением, когда живёшь в нём, и вся гадость и непрочность этого сооружения ничем не прикрыта. И это-то самое чувство испытывается теперь в России огромным большинством 150-ти миллионного народа.

Хорошо, когда гадость и непрочность этого сооружения искусно скрыта от людей сложными, укоренившимися в поколениях людей, хитрыми софизмами, главное, когда люди так заплетены, захвачены в это сооружение своими личными расчётами тщеславия, корысти, что они не видят, уже не хотят, не могут видеть всего безумия, несправедливости, жестокости этого сооружения и, коснея в своём рабстве, воображают, что все приспособления этого сооружения: суды, полиция, войска, министерства, главное парламенты, суть необходимые и благо-детельные учреждения, обеспечивающие их безопасность и свободу. Такие люди искренно верят, что они настолько свободны, насколько люди могут быть свободны, и что те учреждения, которые держат их в рабстве, неизбежные условия жизни всех людей, и что если нужно в них изменять что-либо, то

только некоторые подробности, в общем же всё так, как и должно быть и не может быть иначе. Так думают и могут думать англичане, американцы, французы, немцы, но мы русские, к несчастью, или скорее к счастью, в особенности в настоящее время, как ни старались, не можем думать и чувствовать так. Мы русские

теперь в огромном большинстве своём, всем существом своим сознаём и чувствуем, что всё то государственное устройство, которое держит, угнетает и развращает нас, не только не нужно нам, но есть нечто враждебное, отвратительное и совершенно лишнее и ни на что не нужное. Для всякого теперь в России не только мало-мальски мыслящего человека, но для самого малодумающего, безграмотного человека совершенно ясно, что кроме всех обычных бед, нарушающих спокойную жизнь человека, он непрестанно испытывает лишения и страдания, причина которых одна — деятельность правительства, котор[ое] с самых разных сторон с неумолимой грубостью и жестокостью, без всякой надобности, не переставая, мучает и давит его, если только он сам не поступает в число тех некоторых людей, которые давят всех. С одной стороны русский человек нашего времени особенно живо чувствует это давление потому, что правительство, не встречая более препятствий, с полной бесцеремонностью и наглостью давит, душит, убивает, запирает, ссылает всех, дерзающих не то что противиться, но поднимать против него протестующий голос; с другой же стороны, особенно живо чувствуют русские люди жестокость, грубость и безудержный деспотизм правительства ещё и потому, что в последнее время, поняв возможность более свободной, чем прежняя, жизни, русские люди сознали, хотя отчасти, себя разумными существами, имеющими право руководиться,

каждое, в своей жизни своим разумом и совестью, а не волею случайно попавшего на место властвующего того или другого неизвестного ему человека. Насколько становилась жесточе, грубее и бесконтрольнее власть правительства, настолько усиливалось и уяснялось в народе сознание безумия, невозможности продолжения такого состояния. И оба явления: и безудержный деспотизм власти, и сознание незаконности этой власти, усиливаясь с каждым днём и часом, дошли в последнее время до высшей степени. Но несмотря на ясность сознания большинством народа ненужности и зловредности правительства, народ не может освободиться от него силою вследствие тех практических приспособлений: железных дорог, телеграфов, скоропечатных машин и др., владея которыми правительство может всегда подавлять всякие попытки освобождения, делаемые народом. Так что в настоящее время русское правительство находится вполне в том положении, о котором с ужасом говорил

Герцен. Оно теперь тот самый Чингис Хан с телеграфами, возможность которого так ужасала его. И Чингис Хан не только с телеграфами, но с конституцией, с двумя палатами, прессой, политическими партиями *et tout le tremblement* [*фр.* и со всем шумом].

— «Деспотизм! Помилуйте, какой же деспотизм, когда у нас две палаты, блоки, партии, фракции, запросы, президиум, премьер, кулуары, — всё, как должно. Какой же деспотизм, когда есть и Хомяков и Маклаков, и ответственный министр. Есть свод законов, и суды и гражданские, и уголовные, и военные, есть цензура, есть церковь, митрополиты, архиереи, есть академии, университеты. Какой же деспотизм?»

То, что всё это есть только подобие того подобия, которым в Европе обманывают людей и в России уже никого — кроме участников — не обманывает в настоящую минуту, не важно для Чингис Хана, так как у него есть другие средства. И он продолжает спокойно делать своё дело, надеясь, что, как это произошло и происходит во всех, так называемых, христианских странах, народ привыкнет, сам втянется и запутается в эти дела, и Чингис Хан останется Чингис Ханом — только не с ордой диких убийц, а с благовоспитанными, учтивыми, чистоплотными убийцами, которые так сумеют устроить разделение труда, что грабёж и убийство людей будет одно удовольствие и доступно самому утонченно чувствительному человеку. Так смертоубийства, называемые казнями, совершаются не просто, а перед каждым таким убийством сходятся человек 5 в мундирах, садятся на креслы и на столе, покрытом сукном, что-то пишут и говорят, и хотя они знают, что их разговор не изменяет судьбы того, кого хотят повесить, они делают вид, что они судят и приговаривают. И с этой процедурой убивают от 3 до 7 человек в день. (Нынче, 25 ноября, было 12 явных опубликованных приготовлений к убийствам (приговоров) и 5 убийств.) И это в продолжение 4, 5 лет или больше. Дамы говорят: «C'est terrible. Je ne puis jamais lire sans frémir.—» [«Это ужасно. Я не могу читать без содрогания».] Мужчины с свойственным мужескому полу мужеством и разумностью внушают дамам, что это необходимо для общего блага. В газетах ужасаются на эти продолжающиеся казни. Важные чиновники и члены Думы, заявляя свою либеральность, говорят, что пора бы окон-

чить эту *boucherie*, [бойню] но заведующие этой *boucherie* улыбаются на эту сантиментальность. Они знают, как это неизбежно, необходимо и благотельно. Погодите, говорят

они, придёт время и мы перестанем. Но им незачем переставать. Всё идёт прекрасно и очень может быть, что идёт всё так прекрасно только благодаря этим «разумным» мерам. Так зачем же отказываться от них? Так насчёт убийств, совершаемых властями. То же и по отношению к заключению в тюрьмах. Тюрьмы переполнены, недостаёт места. Мрут от чахотки, тифов, бегут, бунтуются, убивают самих себя, но власти знают, что это полезно, по крайней мере уж наверно не вредно, и тоже с известными, приличными делу, сопутствующими разговорами и писаниями сажают всё новых и новых узников. Виноваты они или не виноваты, это всё равно. Всё лучше изъять из жизни человека, от которого может произойти что-нибудь неприятное. То, что он посидит года два в тюрьме или умрёт там, вреда для нас не будет, а не посади его — может быть, он и в самом деле виновен. Всегда лучше перекланяться, чем недокланяться. По тюрьмам, построенным на 70 000, больше ста тысяч человек. Но и этого мало. Чуть есть указания или кому-нибудь покажется, что есть указания на то, что человек может думать и высказывать то, что думает о действиях правительства, его схватывают, сажают в тюрьму и даже без всяких приличествующих делу процедур везут в самые далёкие, дурные для жизни места и там бросают с запрещением уходить оттуда. Хотя и трудно понять, для чего это нужно Чингис Хану, но очевидно нужно, потому что он старательно делает это, даже тратя большие деньги на эти ссылки. Таких несчастных тоже около сотни тысяч. Люди эти озлобляются, передают своё озлобление тем мирным людям, которые до их появления не думали о правительстве, но Чингис Хану до этого дела нет, у него есть телеграфы, телефоны, скорострельные пушки, револьверы и он не интересуется тем, что думают и чувствуют мучимые им люди. Но это далеко не всё. Самое важное продолжает делаться дома в столицах, больших городах, в печати и, главное, в школах от высших до низших. Запрещается всё, что только может открыть глаза

людям, поощряется всё то, что может затемнить, ослепить людей в печати, в школах и, главное, в религии.

Казалось бы, нельзя соединить всё, что творилось и творится, с исповеданием религии, называемой христианской, ещё менее оправдать все эти злодеяния этой христианской религией, но существует целое сословие людей, которое занято одним этим делом: таким извращением христианства, при котором всевозможные преступления, грабёж (подати, земельная собственность), истязания, даже убийства, казни, войны считались свойственными христианам делами. И кажущееся невозможным дело совершается. Совершается то, что вера в учение Христа заменяется кощунственной верой в то, что Христос Бог делатель самых странных и ненужных чудес и что, веруя в этого Христа, надо верить и в чудеса, происходящие от воображаемой царицы небесной, от мощей, икон и т. п. Всё это передаётся как священные истины и рядом с этим, как столь же священная истина, внушается и рабское подчинение Чингис Хану. Совершается этот ужасный обман над взрослыми и с особенным рвением и упорством и наглостью над подрастающим поколением под видом обучения заведомой лжи, называемой законом Божиим. На каждом экзамене закона Божия — а через такие экзамены проходят все дети — происходит следующее.

Священник. Дозволено ли убийство по христианскому закону?

Ученик. Нет.

Св. Всегда не дозволено?

Уч. Нет, не всегда.

Св. Когда же оно дозволено?

Уч. Дозволено в случае наказания за преступление и для защиты отечества.

И это всегда на всех экзаменах. И нет ни одного русского грамотного человека во всей империи, который бы в том возрасте, когда он ещё не может рассуждать, не прошёл бы через эту клевету на Бога, на Христа, на разум человеческий. И Чингис Хан, как представитель просвещённого правительства, даёт награбленные с народа деньги на народные школы, долженствующие распространять такое Чингис-ханское просвещение.

Так телесно и духовно угнетался и угнетается русский народ Чингис Ханом с телеграфами и Чингис Хан был спокоен и надеялся, что теперь, когда есть конституция, и Хомяков, и Маклаков, и президиумы, и правые, и левые, и середина, и Гучков, и духовенство, и союзы русского народа, и пресса, и школы, и что, если не жалеть награбленных денег на шпио —

нов и на тюрьмы, суды, виселицы для взрослых, и на преподавание, распространение и поддержание клеветы на христианские учения в виде гнусного обмана под названием Закона Божия для детей, то всё будет итти по-старому, и различие Чингис Хана с телеграфами от прежнего будет только в том, что новый Чингис Хан будет ещё могущественнее старого. — Но к несчастью Чингис Хана и к счастью русского народа Чингис Хан ошибся. От того ли, что слишком глупы и грубы были слуги нового Чингис Хана и их дела, от того ли, что в своих насилиях они перешли тот предел, дальше которого люди не могут переносить порабощение их и издевательства над их разумом, от того ли, что железные дороги, телеграфы, пресса и всё то, что, с одной стороны, даёт могущественное орудие в руки Чингис Хана, с другой стороны соединяет людей в одном и том же сознании, от того ли, что русскому народу, большинству его, настоящему народу, крестьянскому народу, не развращённому ещё

школами, свойственно понимание христианского учения в его истинном значении, признающем равенство и братство людей, не допускающее не только убийство, но и насилие друг над другом, от того ли или от другого или ещё чего, но несомненно одно то, что в настоящее время русский народ, настоящий русский народ, вследствие совершённых и совершаемых над ним преступлений, потерял не только уважение к своему правительству, но и веру в необходимость какого бы то ни было правительства и не может уже быть принужден повиноваться существующему правительству и участвовать в мерзких делах его. Недавний проезд Царя со всеми сопутствующими ему отвратительными подробностями был, как мне кажется, тем толчком, который при переохлаждённой жидкости мгновенно превращает жидкое тело в твёрдое.

Этот проезд везде, где он происходил, вызвал одно и то [же] чувство сознания очевидной ненужности, а потому и вредности Царя и всех его помощников.

Едет Царь, тот человек, который стоит во главе правительства, человек, о котором предполагается, что он признаётся всем народом своим владыкой, что он тот человек, который своей властью может благодетельствовать и отдельные лица, и общества людей, и целые сословия, что это лицо священное для всех людей русского народа. Кроме того предполагается, что этому человеку для себя ничего не нужно и что он стоит выше

всяких желаний и страхов. Казалось бы, к такому лицу, как это и было прежде, во времена Николая первого, может быть только одно чувство, желание видеть, желание просить тех или иных благодеяний, желание выражения своей благоговейной преданности и любви, и роль всех, окружающих царя, только одна — удерживать в пределах

порядка восторженную толпу, стремящуюся к этому предмету своего благоговейного поклонения. Так это должно быть, так это и было когда-то. И что же теперь? Едет Царь с своими помощниками, приближенными ему людьми, исполнителями его воли — и все они, зная, что в народе, над которым они властвуют и среди которого им нужно проехать, живут тысячи, десятки тысяч людей, ненавидящих и царя и их и всячески старающихся убить их, люди эти, в ограждение Царя и себя от этой ненависти, устраивают на всём протяжении тех мест, по которым они проезжают, тройные, четверные ряды тайных и явных охранителей. Едет Царь по своему царству, и три линии солдат, полиции, наряженных и бесплатно оторванных от своих работ крестьян, стоят день, два, неделю, другую, ругая виновника их положения, ожидая проезда. День проезда умышленно не определяется для того, чтобы желающие убить царя не могли бы знать, когда он проедет. Для этой же цели едет не один царский поезд, а несколько, так что никто не может знать, какой настоящий. И вот, наконец, украдкой, как беглец и преступник, пролетает этот человек между трёх рядов охраны и никто не видит его кроме для приличия представляющихся ему в городах, где он останавливается, чиновников и важных лиц при тех же предосторожностях, охраняющих Его от покушений на его жизнь, которых всегда и везде не могут не бояться.

Ведь предполагается, что молчаливым согласием народ признаёт необходимость и благодетельность царской власти. Если же оказывается, что эта царская власть поставила себя в такое отношение к народу, что не смеет уж показаться ему, а прячется от него и пробегает мимо него, как вор от тех, кого он обворовал, так зачем же эта власть? Если положение власти поддерживается уже не признанием народом её необходимости, а насилием, ружьями и шашками, а сама власть прячется от народа? Вот это-то становилось всё более и более ясно и теперь

стало уже совершенно ясно огромному большинству народа.

На что же царь, коли он прячется? А если прячется, то верно не даром, а значит чувствует, что ему нельзя не прятаться после того, что он делает и делал. Так думает огромное большинство. Не говоря уже о всех заключённых, сосланных, из которых большая доля невинных, а их десятки тысяч, и у всех их так же, как и у всех убитых, есть отцы, матери, братья, сёстры, жёны, друзья, которые не могут не ненавидеть виновника и виновников их горя. Но не говоря об этих сотнях, тысячах людей, имеющих такие естественные причины для ненависти к Царю и его помощникам, главная масса народа, крестьяне, все крестьяне, за исключением малого числа загипнотизированных людей, все крестьяне, доведённые теперь лишением земли до положения худшего, чем то, в котором они были при крепостном праве 50 лет тому назад, крестьяне, ожидавшие освобождения от того земельного рабства, худшего теперь, чем рабство крепостное, не могут не смотреть на Царя, виновника этой признанной ими несправедливости, с такими же самыми недобрыми, враждебными чувствами, как и те, которые питают к Царю и его помощникам все десятки или сотни тысяч непосредственно пострадавших и страдающих от их жестокости. Крестьяне знают, что все попытки освобождения их от земельного рабства, все всегда разбивались об закоснелость царского правительства, которое, в насмешку над их законными требованиями, дало им закон 9 ноября, вносящий только ещё новое зло в их отчаянное положение. И потому нельзя Царю и его помощникам не бояться и ненавидящих правительство крестьян, не бояться их доходящего до ненависти раздражения за неуслышание их страданий и за

неисправление той возмутительной неправды, от которой они страдают.

Правда, есть у несчастного Чингис Хана люди, которые уверяют его в преданности к нему всего народа, в твёрдости той веры в Бога и рядом в Царя, которая когда-то была в народе.

Но к несчастью люди эти, сами не веря тому, в чём они уверяют Царя, своей наглой ложью только отводят ему глаза от его действительного положения. Так что, веря им, несчастный Чингис Хан, продолжая свою грубую деятельность, этой самой деятельностью насилия и разрушает в конце последние основы, на которых могла бы держаться его власть.

Сознание ненужной, бессмысленной и вредной царской власти стало теперь более или менее очевидно, ясно огромному боль-

шинству народа. Трудно предвидеть, какие будут последствия этого сознания, но последствия эти, и непременно губительные для правительства, не могут не быть. Может быть, как это ни мало вероятно, но всё-таки может быть — то, что власть, пользуясь всеми внешними материальными средствами, которыми она обладает, продержится ещё некоторое время. Может быть и то, что опять вспыхнет революция, которая опять будет задавлена, так как средства борющихся слишком неравномерны. Но в обоих случаях неизбежно будет то, что сознание ненужности и преступности правительства будет делаться все яснее и яснее людям русского народа и сделается, наконец, то, что огромное большинство людей не будет уже в состоянии, не в виду каких-либо внешних целей, а только потому, что это будет явно и мучительно их нравственному сознанию, не будет уже в состоянии повиноваться правительству и исполнять те его

безнравственные требования, которыми оно держится. А как только это будет, как только будет ясно каждому человеку, что то, что называется правительством, есть только соединение людей, отстаивающих своё положение рядом непрерывающихся преступлений, так неизбежно прекратится и повиновение такой власти, и то участие в деятельности правительства, которое одно поддерживает его.

«От меня требуют участия в делах правительства, — скажет себе освободившийся от правительственного обмана человек (а освобождение это совершается теперь в тысячах и тысячах людей), — требуют от меня участия в уплате податей и взимания их, предлагают мне участие в делах административных, судебных, педагогических, полицейских, требуют моего участия в военной службе, но зачем же я буду делать всё это, когда я знаю, что все эти дела лишают меня и моего достоинства, и моей свободы, главное же делают меня участником в делах противных и здравому смыслу и требованиям самой первобытной нравственности». Так что для людей, понявших то, что повиновением власти они сами поработают себя, лишая себя самых первых и духовных благ, отношение к власти может быть только одно, такое, при котором человек на все предъявляемые к нему требования правительства всегда отвечает только одно: «Со мной, — отвечает такой человек, — можете, пока сила в ваших руках, делать, что хотите, запирать, ссылать, казнить. Я знаю, что не могу противиться вам и не буду, но знаю и то,

что не могу и не буду также и участвовать во всех дурных делах ваших, чем бы вы ни оправдывали, ни прикрывали их и чем бы ни угрожали мне».

Такое отношение к тому, что называется русским правительством, уже живёт теперь в сознании большин-

ства русских людей, а продолжись ещё некоторое время безумная, бесчеловечная и грубо жестокая деятельность этого правительства, и то, что теперь только в сознании, неизбежно перейдёт и в дело. А перейдёт сознание в дело, т.-е. перестанут большинство людей, повинуюсь правительству, участвовать в его преступлениях, и само собой без борьбы падёт то ужасное, отжившее русское правительственное устройство, существование которого уже давно не соответствует нравственным требованиям людей нашего мира.

6 декабря 1909 г.

Файл подготовил Роман Алтухов.
Ясная Поляна – Тула, июнь 2016 г.